

О РАБОЧИХ С «СЕДЕЮ»

В СВОИХ заметках «По обе стороны океана», напечатанных в журнале «Новый мир», Некрасов пишет:

«Я бесконечно благодарен Хуциеву и Шпаликову, что они не выволкли за седеющие усы на экран все понимающего, на все имеющего четкий, ясный ответ старого рабочего».

У меня вся жизнь с раннего детства до самых последних дней связана со «старыми рабочими с седеющими усами», а по обе стороны океана я также бывал неоднократно.

В памяти всплывают отдельные картины прошлого.

Баку 1918 года. Все органы народной власти и все рабочие организации были разгромлены. Арестованы и расстреляны народные комиссары во главе со Степаном Шаумяном.

В глубоком подполье коммунисты начали воссоздавать и организовывать новые партийные организации. Положение было тяжелое. Полицейские ищут выслеживали коммунистов.

Вспоминаются подпольные собрания партийной ячейки на телефонной станции. Один из выступавших сказал: «Вот когда мы власть возьмем в свои руки, поменьше работать будем». Один из старых монтеров заметил: «Эх, ты, теоретик, ты соображаешь, что говоришь! Всю Россию перестроить надо. Такую машину поднять — много труда положить придется. А кто это делать должен будет? Мы, а не Бенкендорфы, Шибачевы и Лизановы, хозяевами будем. Они нас

заставляют работать, а нам заставлять некого. Мы и хозяева и работники. Нет, много нам предстоит потрудиться, за нас работать некому. Да и за них вот придется поработать — и он показал в мою сторону, — им учиться надо. Нам много нужно будет инженеров и вообще образованных людей».

Это говорил рабочий, который видел неизбежность победы и готовился к тому, чтобы взять на себя ответственность за управление страной. Это был рабочий с «седеющими усами», все понимающий, на все имеющий ясный и четкий ответ. Его слова навсегда врезались в мое сознание. Работать надо. Мы хозяева и работники. Гражданская война окончилась. Страна залечивала свои раны. Многие из молодых красноармейцев были демобилизованы и направлены в высшие учебные заведения.

Будучи студентом Московской горной академии, я попал летом 1922 года на Сормовский завод на практику. Огромный завод работал, но испытывал много трудностей. Всего не хватало. Было голодно. Продовольственные пайки мизерные, а работа тяжелая, в особенности в литейных, прокатных и кузнечных цехах.

Кое-кто шептал о неспособности новой власти наладить жизнь в стране. Кое-кто, играя на тяжелом положении и чувстве голода, призывал к протестам.

И вдруг тревожный заводской гудок собирает на заводской площади тысячи возбужденных, голодных рабочих. Они столпились у импровизированной трибуны, усталые и сумрачные.

Стали раздаваться крики: «Мы не можем больше так жить и работать».

Администрация растерялась. В это время из города приехал молодой агитатор. У него было круглое, румяное лицо. Он пытался выступить и что-то сказать, но говорить ему не давали. В хоре протестующих голосов возбужденной массы людей нельзя было разобрать ни одного слова агитатора. Кричали все.

Но вот на трибуну поднялся высокий жилистый кузнец. На нем была синяя рубаха с расстегнутым воротом, и бронзовая широкая грудь говорила о силе, а засученные выше локтя рукава обнажали могучие руки. Подойдя к агитатору, он сказал: «Отойди, сынок, я поговорю».

Напрягая голос, кузнец спросил: — Вы меня знаете?
— Знаем, знаем, — раздался голоса.

— Так слушайте! Конечно, тяжело нам, кто спорить станет. Ну, а разве легче будет оттого, что из цехов ушли, работу бросили? Лучше не будет. Надо выделить три-четыре человека, поговорить с администрацией, обсудить, что и как надо сделать, чтобы лучше было, а теперь идти в цехи и работать. Ведь за нас никто ничего делать не будет. Завод-то наш. Мы с вами хозяева. Хозяева так не делают.

И это опять говорил рассудительный, все понимающий, на все имеющий ясный ответ хозяин земли советской.

И как легко и спокойно я себя почувствовал после выступления этого сильного человека. Все ста-

Профессор В. ЕМЕЛЬЯНОВ

□ □

ли расхотеться с площади, и завод вновь заработал.

В том же 1922 году осенью в Москве в клубе бывшего завода Михельсона, ныне завод имени Владимира Ильича, был устроен литературный вечер. Выступали писатели и поэты столицы со своими произведениями. Читали свои произведения Жаров и Безыменский, а также другие поэты и писатели. Я был на этом вечере и сидел рядом с группой пожилых рабочих. Они аплодировали стихам Жарова и Безыменского.

Но вот начал читать отрывок из своего рассказа о деревенской свадьбе Артем Веселый. Действующие в его рассказе лица северно-словили, рассказ включал, помимо того, ряд непристойных сценок.

Один из рабочих постарше поднялся со стула и крикнул:

— Безобразие! Мы пришли сюда хорошее услышать, а такое-то у нас и на заводе есть! Пойдем, Иван Николаевич, обратился он к своему соседу. Нам здесь делать нечего!

Устроители вечера заволновались. Один из них сказал, что писатель Артем Веселый изображает жизнь такой, как она есть в действительности.

Рабочий, с укоризной ответил: «Так из жизни-то надо брать самое хорошее. Чтобы другим показывать, как жить надо, а не похабщину».

И старый рабочий с горечью, покачивая головой, закончил: «Эх, вы, писатели, а простых вещей не понимаете!»

ОЩИМИ УСАМИ»

Этот гневный протест против пошлости сохранился в моей памяти на всю жизнь.

В 1939 году была награждена большая группа металлургов. В Кремль для получения правительственных наград было приглашено несколько сот человек. Ордена и медали должен был вручать Михаил Иванович Калинин. Руководители заводских коллективов договорились о том, кому следует выступить во время вручения правительственных наград со словами благодарности.

И вдруг в то время, когда одному из рабочих Мариупольского завода имени Ильича Михаил Иванович вручал орден и жал руку, награжденный произнес: «Михаил Иванович, разрешите слово сказать».

Я видел, как кое-кто из представителей министерства заволновался. Что он скажет? А вдруг будет произнесено что-то не то?

Так было написано на их лицах. Товарищ Калинин, весело улыбувшись, ответил: — «Конечно, можно, говорите!»

Рабочий, обращаясь и к Калинин, и к сидящим в зале, произнес короткую речь.

— Товарищи! Я работаю в самом темном углу у себя в цехе. Я топлю печи для нагревания слитков. У меня в углу темно, кругом мазут. Начальство ко мне никогда не заходит. Да меня там и разглядеть нельзя. А вот Советская власть меня разглядела, и не только разглядела, а и в Кремль меня пригласила, и орден мне дала.

И потом, вытянув правую руку к сидящим в зале, сказал: «Ну,

скажите мне, есть ли еще где-нибудь в мире такая власть, как наша?».

Я видел, как были смущены те, кто беспокоился раньше по поводу выступления этого рабочего.

Подготовленные выступления не произвели такого впечатления, как эти идущие от сердца слова рабочего-нагревальщика. Да какое основание было сомневаться в том, что будет сказано не то, что нужно сказать!.. И еще эпизод.

Советский Союз имел соглашения о технической помощи с заводами Круппа в Эссене. С различных заводов Советского Союза на практику для изучения технологии производства высококачественной стали в Эссен начали прибывать советские металлурги, инженеры, техники, мастера, рабочие.

В 1932 году в Эссен приехал старый литейщик с одного из уральских заводов. Нельзя сказать, чтобы он был очень старый, но уже в годах. Крупный человек, с густыми черными усами, в которых серебристыми нитями пробивалась седина. По всей видимости, он был большой семьянин. В свободное время он часто говорил о своей семье и детях. Как он говорил мне, у него было шестеро детей. Немецкий язык он знал, так как во время первой мировой войны был в плену в Германии, где и выучил его. В конце практики, когда ему нужно было уже возвращаться в Советский Союз, он, прощаясь со мной, сказал:

— Хочу покаяться, я нарушил одно из Ваших указаний.

— Какое указание? — спросил я.

— Вы предупреждали нас, чтобы мы не ходили на те улицы, где эти «гуляющие» ходят. Ну, а я сходил.

Я был удивлен. Никак не могло даже в голову прийти, что этот положительный человек, семьянин и вдруг...

А он продолжал:

«Пошел я туда, встретил девушку и спрашиваю ее: а родители у тебя есть? Она ответила — есть. А где они живут? Здесь, в Эссене, там, знаете, за заводом есть такие сарайчики. Отец мой был шахтером, но уже три года нигде не работает. Я сказал ей: «Я тебе заплачу, проводи меня к родителям». И мы на трамвае с ней поехали. Сарайчик сколочен кое из чего. Тут и доски от ящиков и жесть от больших железных банок. Вот и посмотрел я, как живут в Германии безработные. Ведь приеду я к себе на завод, товарищи меня спросят, а что я им скажу? На витринах-то многое видеть можно, но это для тех, у кого денег много. Как увидел я эту жизнь, так и вспомнил, как мы при царе жили. Вот теперь хотите вините меня, хотите нет».

Одна за другой в памяти всплывают картины, иллюстрирующие моральную чистоту людей труда, тех рабочих с седыми усами, о которых так пренебрежительно сказано автором записок «По обе стороны океана».

3

стр.

№ 132 (14295)